

● APPLIED
● ECONOMICS
● RESEARCH
● CENTRE

EVIDENCE BASED SOLUTION

ОКТЯБРЬ 2022

ГЕНДЕРНАЯ ЭКОНОМИКА: ЧТО МЫ ЗНАЕМ О МИРЕ И КАЗАХСТАНЕ?

СЕРИЯ «АНАЛИТИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ»
№ 2 - 2022

АВТОР:
САУЛЕ КЕМЕЛЬБАЕВА

ГЕНДЕРНАЯ ЭКОНОМИКА: ЧТО МЫ ЗНАЕМ О МИРЕ И КАЗАХСТАНЕ?

Гендерные исследования являются одной из наиболее популярных междисциплинарных сфер, занимающихся анализом гендерной идентичности и гендерной репрезентации. Следует подчеркнуть, что под «гендером», в отличие от «пола» понимается не только и не столько биологические различия, сколько социальный конструкт, задающий различия в поведении людей, принадлежащих определенному полу. Экономистов в этой области в первую очередь интересует пересечение гендерных вопросов и вопросов экономики рынка труда, и оно представлено двумя основными темами – участие женщин на рынке труда и неравенство заработных плат, определяемое гендером. Обе темы являются актуальными почти во всех странах мира, и Казахстан не является исключением. Что же нам известно и неизвестно о том, как гендерная принадлежность определяет индикаторы рынка труда в мире и в Казахстане?

1 Гендерное экономическое неравенство в мире

Каждый человек в течение жизни несколько раз принимает решения, связанные с рынком труда: работать или не работать, работать ли неполный день или работать на двух работах, принимать ли предложение о повышении, насколько сильно выкладываться на рабочем месте, поменять ли работодателя, получать ли (дополнительное) образование, чтобы прокачать навыки, релевантные на рабочем месте и т.д. Из миллионов таких индивидуальных решений складывается общая картина предложения на рынке труда. В свою очередь эти микро-решения зависят от многих вещей: личных предпочтений относительно труда и отдыха, мотивации и амбициозности, семейной и жизненной ситуации, экономической ситуации в стране и тому подобное. Безусловно, гендер является одним из факторов, сильно влияющим на эти решения: во всех странах мира поведение женщин на рынке труда в большей степени чем поведение мужчин зависит от внешних факторов, например, от роли женщин в семейной жизни и ожиданий от них со стороны общества, а также от экономической ситуации.

Во всем мире участие женщин в рабочей силе по-прежнему не соответствует участию в ней мужчин: доля женщин на рынке труда варьируется от 23-24% в Индии и на Ближнем Востоке до 47% в Восточной Европе и Центральной Азии (ВЭФ, 2018). Женщины непропорционально больше представлены в секторе неполной занятости: соотношение часов, отработанных женщинами и мужчинами, составляет в среднем около 80% (ВЭФ, 2018). Женская занятость непропорционально больше представлена менее производительными и низкооплачиваемыми отраслями, такими как сельское хозяйство и сфера услуг (McKinsey, 2015). Это, по крайней мере, частично объясняется тем фактом, что женщины непропорционально больше заняты выполнением неоплачиваемой работы по дому: в отчете McKinsey о гендерном неравенстве (2015) говорится, что 75% всей неоплачиваемой семейной работы в мире выполняется женщинами, что эквивалентно 10 триллионам долларов США или 13% мирового ВВП 2015 года. Этот же отчет ведущей консалтинговой компании мира представил ошеломляющий прогноз: к 2025 году мировой ВВП мог бы увеличиться на 28 триллионов долларов или 26%, будь женщины представлены на рынке труда наравне с мужчинами.

Между тем, задача исследователей состоит не в том, чтобы заставить всех женщин работать наравне с мужчинами, но в том, чтобы понять, является ли меньшее участие женщин на рынке труда их сознательным выбором, продиктованным их предпочтениями, или вынужденной необходимостью, продиктованной внешними условиями. Другими словами, является ли это последствием неравенства усилий или неравенства возможностей.

1.1 Причины меньшей представленности женщин на рынке труда: культура и экономика

Чем же объясняется неравное участие женщин в оплачиваемой трудовой деятельности? Нетрудно догадаться, что это явление имеет исторические корни, и, как и многие эволюционные явления, в свое время имело под собой вполне разумные экономические причины. Причины эти состояли в гендерной специализации в определенных видах труда, определяемой естественными различиями между полами. Одной из самых известных, даже культовых работ в части анализа этих причин является работа гур у исследований влияния культуры на экономику Alesina (2013). Alesina и соавторы выдвинули гипотезу о том, что отношение к роли женщин в обществе, включая участие женщин в рабочей силе, может происходить из исторического участия наций в плужном земледелии, которое требовало большей физической силы и традиционно выполнялось мужчинами, оставляя специализацию в ведении домашнего хозяйства женщинами. Чтобы проверить эту гипотезу, авторы использовали данные Всемирного исследования ценностей, в частности зафиксированные в нем представления о роли женщин у иммигрантов во втором поколении в Европе и США. Оказалось, что иммигранты из стран, где в далеком прошлом имело место использование плуга в сельском хозяйстве, и сегодня в существенно большей степени считают, что место женщины на кухне. Способ производства и

жизнь общества изменились полностью, но культурные представления сохранились через века. В свою очередь эти культурные установки влияют на нынешние экономические решения: в странах с плужным земледелием в прошлом участие женщин на рынке труда и в политике ниже даже сегодня.

Культурные установки, однако, могут существенно варьироваться от семьи к семье, и потому в существенной степени зависят от воспитания. Интересно исследование по современной Дании, где было обнаружено, что участие на рынке труда значимо выше у женщин, чьи бабушки по материнской линии работали (Kleven и др., 2019). Примечательно, что такой связи не обнаруживается для бабушек по отцовской линии. Авторы делают вывод, что вероятно культурные установки передаются из поколения в поколение от матерей к дочерям.

Между тем культурные убеждения людей способны меняться под влиянием экономических факторов, и это тоже показывают эмпирические исследования. Одно из наиболее интересных – исследование Qian (2008), изучившего эффект внешнего шока в доходах от сельского хозяйства на предпочтения семей в постмаоистском Китае. В Китае, как и во многих других странах, семьи диспропорционально предпочитают рождение сыновей рождению дочерей. Конечно, в основе этого также лежат экономические предпосылки: сын с гораздо большей вероятностью останется с родителями и будет их содержать в старости, чем дочь (кроется ли причина этого в экономике или культуре – вопрос открытый). В Китае еще несколько десятков лет назад рождение мальчиков устойчиво предпочиталось также и потому, что они представляли собой основную оплачиваемую рабочую силу в доминировавшем типе сельскохозяйственного производства, требовавшего применения физической силы. Это приводило к шокирующим последствиям фактического детоубийства: число новорожденных мальчиков на протяжении всех из анализируемых автором лет значительно превышало число новорожденных девочек. Однако в какой-то исторический момент в некоторых провинциях произошел сдвиг в сторону производства чая, оказавшегося более востребованным на рынке, и в производстве которого женский труд оказался более предпочтительным – это кропотливая работа, связанная с мелкой моторикой рук в большей степени, чем с применением физической силы, и у женщин для нее оказалось больше конкурентных преимуществ. Через пару лет, достаточных для восприятия дефицита женского труда домохозяйствами, гендерный баланс в рождаемости восстановился. Более того, со временем в регионах, специализировавшихся на чае, улучшились не только показатели участия женщин в оплачиваемом труде, но и уровень образования девочек – как только они перестали быть «бесполезными для рынка и пригодными только для домашнего хозяйства», увеличились инвестиции в их человеческий капитал.

Отсюда очевидно, что улучшение перспектив женщин на рынке труда меняет правила игры с точки зрения экономического гендерного равенства. Об этом свидетельствуют исследования, использующие для изучения гендерного разрыва изменение конкурентной среды, с которой сталкивается фирма. Еще в 1957 году один из основателей экономики труда нобелевский лауреат Becker теоретически показал, что фирмы, имеющие предубеждения (включая предрассудки в отношении пола), с меньшей вероятностью выживают в условиях усиления конкуренции. В 1986 году Ashenfelter и Happa, изучив эмпирические данные по банковской отрасли США, обнаружили, что в банках, работающих в менее конкурентной среде, действительно работает меньше женщин. Позднее, Black и Strahan (2001) показали, что дерегулирование американского банковского сектора, которое усилило давление конкуренции на банки, существенно уменьшило гендерный разрыв в занятости среди них. Как только гендерные предрассудки становятся экономически неэффективными, они исчезают. В целом, экономика, структура производства и востребованность навыков существенно определяет гендерные предпочтения. Ward (1984) в своей книге постулирует причинно-следственную цепочку, ведущую от зависимости страны от международной экономики к уязвимому положению женщин, показывая, что зависимость от транснационального капитала определяет капиталоемкий тип производства и увеличивает спрос на мужской труд, соответственно, снижая спрос на женский труд. Таким же образом сырьевая индустриальная направленность экономики СССР определяла гендерную специализацию и неравную фактическую среднюю заработную плату мужчин и женщин, несмотря на декларировавшуюся в советском обществе идеологию равенства полов. Наконец, одно из недавних исследований по Японии – стране с низким уровнем гендерного равенства – показало, что в провинциях с более благоприятными условиями на рынке труда для женщин, инвестиции родителей в образование девочек выше, и сами они в большей степени стремятся к получению образования и участию на рынке труда (Molina и Usui, 2022).

Женщины более чувствительны, чем мужчины, не только к ситуации в экономике и на рынке труда, но и к индивидуальным и семейным решениям, причем как в одну, так и в другую сторону. Еще в 1958 году Long эмпирически обнаружил, что участие женщин в рабочей силе в США отрицательно коррелирует с заработками их мужей, независимо от их возраста, расы или наличия у них детей. Однако позднее подавляющее большинство исследований показало, что более высокий уровень человеческого капитала у женщин, определяемый их достигнутым уровнем

образования, увеличивает вероятность их присутствия на рынке труда, независимо от их семейного статуса и дохода супруга. Механизм, стоящий за этим, прост: образование повышает производительность и потенциальную заработную плату и, таким образом, увеличивает альтернативные издержки неучастия на рынке труда и неоплачиваемой работы по дому по сравнению с участием на рынке труда и оплачиваемой работой. Именно в неравном (по сравнению с мужчинами) доступе женщин к образованию все еще кроется причина гендерного неравенства на рынке труда во многих странах. При этом в других странах наоборот сейчас имеет место тенденция более высокого среднего уровня образованности женщин, хотя и в них это не решает проблему неравной оплаты труда.

Парадоксально, но в странах, с ярко выраженным экономическим гендерным неравенством низкая репрезентация женщин на рынке труда на первый взгляд играет женщинам на руку. Интересное подтверждение этому дает текущее исследование экономистов Лондонской школы экономики, в котором они собрали уникальные данные по заработным платам и карьерам работников одной мультинациональной корпорации, представленной в 100 странах мира и оказывающей услуги в области консалтинга и инжиниринга, и сравнили их по странам (Ashraf и др., 2022). Оказалось, что сотрудницы этой МНК, работающие в странах, где женщин на рынке труда меньше, чем мужчин, имеют более высокую заработную плату в среднем и лучшие карьеры, чем их коллеги-мужчины. При этом при приеме на работу стартовые условия были одинаковыми – компания не дискриминировала ни мужчин, ни женщин, но через 5 лет работы показатели женщин в среднем лучше, чем у мужчин. Объясняется это так называемой положительной избирательностью: поскольку в целом у женщин в таких обществах меньше шансов найти себя на рынке труда, фактически на него попадают только наиболее способные, образованные и амбициозные женщины, соответственно, они добиваются большего карьерного успеха, чем мужчины. При этом в этой же компании нет никакой разницы ни в карьерах, ни в заработной плате между мужчинами и женщинами в странах с более равными в гендерном смысле обществами, что не удивительно, ведь способности людей в среднем не зависят от их биологического пола.

В целом, в последние пару сотен лет мир меняется очень быстро в том числе в части гендерного паритета. Во второй половине 20-го века, по крайней мере, в развитых странах, с уменьшением нагрузки на ведение домашнего хозяйства в связи с уменьшением числа детей в семьях, появлением платных бытовых услуг и бытовой техники процесс ведения домашнего хозяйства упростился, и это привело к общему сокращению времени на неоплачиваемый домашний труд, и, соответственно, семейное бремя стало менее важным фактором, определяющим решения женщин на рынке труда. В то же время во многих из этих стран улучшился доступ к образованию для обоих полов, и в целом структура экономики поменялась в сторону большей востребованности креативного и умственного труда, чем физического, и участие женщин на рынке труда увеличилось. Вместе с тем, на передний план начали выходить культурные установки и личные предпочтения людей - в страновом разрезе участие женщин на рынке имеет U-образную форму по отношению к ВВП стран: в беднейших странах оно относительно высокое из-за низких доходов, не позволяющих одному супругу содержать семью – вопрос участия в оплачиваемом труде является в них вопросом физического выживания как для мужчин, так и для женщин; с ростом ВВП и доходов участие женщин в рабочей силе снижается; однако в самых богатых странах он снова увеличивается, на этот раз в основном из-за культурного сдвига (McKinsey, 2015).

1.2 Экономические последствия неполного участия женщин на рынке труда

Меньшая представленность женщин в общественном производстве, безусловно, снижает его производительность, так как экономически она означает недоиспользование потенциально продуктивного труда. Женщины составляют около 50% мирового населения, но их вклад в мировой ВВП, согласно данным МОТ, составляет только 37%, что является следствием как недостаточного участия женщин в рабочей силе, так и их «специализации» на низкопроизводительных и низкооплачиваемых секторах. Более того, в тех странах, где представленность женщин на рынке труда непропорционально ниже, их замещают мужчины, и исходя из постулата независимого от пола распределения способностей, замещают не самые подходящие для этого мужчины. Об этом другое не менее интересное, но пока не опубликованное исследование, авторы которого сопоставили данные Исследования компетенций взрослых ОЭСР с данными по востребованности навыков на рабочем месте для межстрановых сравнений (Bandieta, 2022). Они посмотрели на то, насколько эффективно компании разных стран утилизируют способности людей, где под эффективностью мы понимаем ситуацию, когда люди на рабочем месте используют именно те навыки, которые у них развиты лучше всего (по которым они имеют конкурентное преимущество). Страной, где эти навыки используются самым оптимальным способом, оказалась Дания: люди, имеющие способности к интеллектуальному труду и соответствующее образование, занимаются именно таким трудом, независимо от их пола. Аутсайдером по эффективности среди европейских стран является Италия – страна с низким участием женщин на

рынке труда – многие позиции, на которых должны работать люди с более высоким уровнем навыков и образования, занимают люди с непропорционально низким их уровнем, и происходит это потому, что эти люди – мужчины, заменяющие неработающих женщин.

1.3 Гендерный разрыв в оплате труда

Однако даже в странах, где женщины работают наравне с мужчинами, их заработная плата в среднем ниже. Гендерный разрыв в средней оплате труда варьируется от 1% в Люксембурге до более 30% в Южной Корее. Согласно некоторым данным в сельской местности в Китае и Саудовской Аравии он достигает 50%. Существуют несколько причин существования устойчивого и статистически значимого гендерного разрыва в заработной плате.

Первая и наиболее важная причина в большинстве стран мира – так называемая гендерная секторальная и отраслевая сегрегация. Этот тип сегрегации также принято называть горизонтальной. Женщины значительно чаще работают в низкопроизводительных и низкооплачиваемых отраслях, таких как среднее образование и социальная работа, например, и в государственном секторе экономики, в котором заработные платы ниже, чем в частном. Объясняется это тем, что из-за низкой заработной платы работодатели в таких отраслях вынуждены быть менее требовательными к работникам в части продолжительности рабочего дня и обычно позволяют большую гибкость. Это оказывается «выгодным» для женщин, которые совмещают оплачиваемую работу с работой по дому в большей степени, чем мужчины, и согласны принимать большую гибкость работодателя в качестве компенсации за более низкую оплату труда.

Другой не менее важной причиной является вертикальная гендерная сегрегация: даже работая в той же отрасли или компании, что и мужчины, женщины реже достигают в них наиболее высокооплачиваемых позиций – это явление называют «стеклянным потолком». Почему так происходит, сказать сложно. Одно интересное исследование рассматривает так называемый «эффект курилки» (Cullen и Perez-Truglia, 2019). Социальное взаимодействие сотрудников с их менеджерами в офисе может быть полезным для карьеры сотрудников, утверждают авторы, и это явление способствует гендерному разрыву в оплате труда. Используя административные данные и данные опросов крупной финансовой компании, исследование находит подтверждение тому, что сотрудники, больше коммуницирующие с руководством по нерабочим вопросам, чаще продвигаются по службе. В исследуемой компании этот механизм объяснял треть гендерного разрыва в оплате труда. Есть и другие исследования, показавшие, что мужчины, будучи обычно увереннее и агрессивнее женщин, более успешны в переговорах за более высокую заработную плату, и это немаловажный фактор, определяющий заработную плату в конечном счете (Bowles и др., 2005; 2007; Fortin, 2008).

Несмотря на то, что структура современного производства существенно изменилась, тем не менее нельзя сказать, что современный способ производства полностью стирает биологическую разницу между полами, что также может являться причиной гендерного разрыва в оплате труда. Например, на некоторых работах меньшая по сравнению с мужчинами склонность женщин к риску играет против них. Недавнее исследование оценивает разницу в трудовых доходах мужчин и женщин водителей Uber. Оказалось, что даже несмотря на отсутствие работодателя и руководителя, наличие фиксированной оплаты, определяемой компьютерным алгоритмом, безразличным к полу водителя, а также отсутствие гендерной дискриминации со стороны клиента, таксисты-женщины всё равно зарабатывают в среднем на 7% меньше за час работы. Эта разница целиком объясняется тем, что мужчины гораздо чаще берут более дорогие, но рискованные заказы, связанные с поездками в опасные места в темное время суток (Cook и др., 2021).

Наконец не менее важной причиной гендерного разрыва в оплате труда является необходимость для женщины прерывать карьеру из-за рождения детей как правило именно в наиболее решающий для будущей карьеры период. В экономической литературе это явление известно как «штраф за ребенка». Хотя эти «штрафы» варьируются от страны к стране, они сохраняются даже в скандинавских странах, которые считаются наиболее гендерно-равными рынками труда в мире. Kleven и др. (2019), используя административные данные Дании за 1980–2013 годы, обнаружили, что большая часть сохраняющегося гендерного неравенства в заработных платах в этой относительно гендерно-равной стране связана именно с деторождением: вернувшись после декретного отпуска, женщина уже не нагоняет мужчину в карьере и заработной плате. Можно ли и нужно ли решить эту проблему какими-то политиками сказать сложно, но есть некоторые подтверждения, что такие политики как, например, оплачиваемый отпуск по беременности и родам для обоих родителей и наличие доступных детских садов способны частично ее решать. Grogan и Koka (2010), анализируя участие на рынке труда матерей малолетних детей в России в постсоветскую эпоху, обнаружили, что в 2004 году по сравнению с 1992 годом участие женщин с детьми в возрасте до трех лет существенно сократилось, что

связанно не только с изменением идеологии, но и сокращением пособий по беременности и родам, а также существенно подорожавшими услугами по уходу за детьми.

2 Ситуация в Казахстане

В Казахстане уровень образования женщин стабильно выше уровня образования мужчин – по состоянию на 2020 год валовой показатель охвата высшим образованием составлял 78% для женщин и 64% для мужчин (Всемирный банк). Качество человеческого капитала женщин в среднем, похоже, тоже выше, о чем свидетельствуют данные Исследования компетенций взрослых ОЭСР: Казахстан оказался одной из редких стран, где женщины продемонстрировали в среднем более высокие навыки, чем мужчины, что неудивительно, учитывая более высокий уровень образования женщин. При этом, хотя и участие женщин на рынке труда в Казахстане тоже достаточно высокое – 64%, оно ниже, чем у мужчин – 75% в 2021 (данные БНС РК), а разрыв в средней заработной плате стабилен на уровне около 25% (Yemelina и др., 2022). Ограниченность данных по Казахстану не позволяет ответить на вопрос, какими факторами и в какой степени объясняется гендерный разрыв в занятости и оплате труда, но кое-какие выводы о нем на основе данных национальной статистики и международных доступных данных сделать можно.

2.1 Чем определяется участие женщин на рынке труда

Были использованы данные Всемирного исследования ценностей, которое проводилось в Казахстане единожды в 2010 году, чтобы понять, какие факторы определяют поведение женщин и принимаемые ими решения на рынке труда (Kemelbayeva и др., 2022). В целом, вне зависимости от пола, перспективы работы по найму в Казахстане определяются несколькими факторами: уровнем образования, возрастом, регионом проживания и местом жительства (город-село). Вместе с тем было обнаружено, что человек, который не может найти работу по найму, удовлетворяющую его ожиданиям, вероятно ведет себя по-разному в зависимости от пола: в то время как мужчины уходят в самозанятость, женщины просто выбывают из рынка труда, предпочитая концентрироваться на обязанностях по дому. Таким образом, скрытой формой безработицы для мужчин выступает самозанятость, а для женщин – экономическая неактивность.

Более высокий уровень образования действительно улучшает перспективы на рынке труда, и для женщин в значительно большей степени, чем для мужчин, поэтому более высокий уровень образования женщин по всей видимости следует рассматривать как следствие этого явления: женщины, учитывая их специализацию на казахстанском рынке труда в сегменте «белых воротничков», рассматривают высшее образование как пропуск в этот сегмент. Более высокий уровень образования для них также обеспечивает более высокую отдачу от образования (выше, чем у мужчин) – то есть разница в средней оплате труда работников с высшим образованием и с образованием ниже высшего больше у женщин, чем у мужчин. Это увеличивает предпочтение оплачиваемой работы для женщин с более высоким уровнем образования, оставляя часть домашних дел (в частности, присмотр за детьми) на аутсорсинг. Отсюда логично предположить существование значительных альтернативных издержек участия казахстанских женщин на рынке труда.

Место жительства имеет сильное влияние на перспективы оплачиваемой работы по найму в Казахстане, что в целом отражает неравномерность развития регионов и значительную разницу между экономическим положением города и села, и эти тенденции одинаковы для мужчин и женщин. Единственное гендерное различие по месту жительства состоит в том, что регионы с высоким уровнем доходов обеспечивают лучшие возможности трудоустройства для мужчин, чем для женщин, и происходит это за счет нефтедобывающих регионов, где меньше возможностей для трудоустройства женщин.

Интересные выводы о влиянии семейного статуса на поведение рыночных агентов на рынке труда. Неудивительно, что мужчины, состоящие в браке, больше участвуют в оплачиваемой занятости, чем неженатые мужчины, а для женщин эта тенденция противоположна. Однако, наличие детей увеличивает вероятность занятости для обоих полов, и это вероятно является показателем относительно низких средних заработных плат, выталкивающих женщин на рынок труда, поскольку заработной платы одного кормильца может не хватить на содержание семьи с ребенком. Таким образом на U-кривой, показывающей связь между участием женщин на рынке и производстве ВВП страны Казахстан видимо находится в начале – в числе относительно бедных стран, несмотря на относительно высокий ВВП на душу населения. В целом, высокие показатели участия женщин на рынке труда в Казахстане – это, вероятно, результат комбинации вынужденной экономической необходимости и высокого уровня человеческого капитала женщин.

Также была предпринята попытка протестировать, насколько культурные представления о роли женщины в обществе влияют на их решения на рынке труда. Для этого были рассмотрены ответы респондентов опроса на вопрос «Согласны ли вы со следующим утверждением? Когда рабочих мест не хватает, у мужчин должно быть больше прав на работу, чем у женщин». Больше 50% мужчин и около 40% женщин из числа казахстанских респондентов согласились с этим утверждением. Вероятность трудоустройства у женщин, положительно ответивших на данный вопрос, действительно ниже, чем у мужчин, не согласившихся с ним; что здесь является причиной, а что следствием, сказать сложно.

Наконец, было сделано предположение, что культурные установки могут отличаться среди казахстанских женщин в зависимости от этнической принадлежности, региона и места проживания. Участие женщин на рынке труда в мусульманских и, в целом, восточных странах ниже из-за влияния религии и культуры. В то же время, культурные установки могут меняться под влиянием фактора географической близости к другим этническим группам. В этом смысле интересно исследование Miho и соавторов (2019), изучивших влияние на культурные представления о гендерных ролях сталинских этнических депортаций во время Второй мировой войны, когда более 2 миллионов человек, большинство из которых были этническими немцами и чеченцами, были переселены из западных частей СССР в Центральную Азию (включая Казахстан) и Сибирь. В результате коренное население мест депортации подверглось внешнему воздействию групп с резко отличающимися гендерными нормами. Используя те же данные Всемирного исследования ценностей, они обнаружили, что гендерные представления коренного населения действительно существенно более «европеизированы» в регионах, куда были депортированы представители народов европейского происхождения. Немаловажно для казахстанского рынка труда также должно быть и влияние советского прошлого, в котором благодаря господствовавшей идеологии марксизма участие женщин на рынке труда фактически равнялось участию мужчин.

В исследовании мы увидели, что участие в рабочей силе действительно выше у представительниц европейских этнических групп, чем у представительниц казахской национальности, однако эта разница оказалась статистически незначимой, то есть бессистемной и, возможно, случайной. Географически мы тоже не увидели статистически неслучайных различий в участии женщин на рынке в Казахстане. В целом, мы не обнаружили особенно существенных паттернов в поведении на рынке труда в зависимости от предполагаемых источников культурных различий, и можем заключить, что экономические факторы в Казахстане вероятно более важны при принятии решений на рынке труда по сравнению с культурными.

2.2 Гендерный разрыв в оплате труда

В другом исследовании автор и соавторы рассмотрели гендерный разрыв в оплате труда. Согласно данным Выборочного обследования домохозяйств в среднем женщины в Казахстане зарабатывают на 25-27% меньше, и это устойчивая тенденция, по крайней мере с начала 2000-х годов, когда эти данные начали собираться. Исторических данных нет, но считалось, что в советской экономике гендерный разрыв в оплате труда был ниже из-за достижений марксистской идеологии в отношении гендерного равенства, относительно равного положения женщин и меньшего разброса заработных плат вследствие существования сетки заработной платы. Гендерный разрыв в оплате труда существенно отличается по регионам: в относительно бедных южных и северных регионах он самый низкий, и, например, на юге Казахстана он ниже, чем в среднем по странам ОЭСР. С ростом ВРП и доходов населения региона растет гендерный разрыв: в центральной и западной части страны он выше, чем в Южной Корее, которая считается одной из наиболее гендерно-неравных среди развитых стран. Как и во многих других странах, где влияние экономических факторов преобладает над культурными, а вмешательства государства незначительно, равенство имеет место в бедности, а неравенство – в богатстве.

Мы выяснили, что в значительной степени гендерный разрыв в Казахстане объясняется индустриальной сегрегацией, которая, как и сам разрыв, существенно более выражена в более богатых промышленно развитых частях страны, в частности на нефтеэкспортирующем западе. Это объясняется тем фактом, что, по крайней мере, некоторые из наиболее высокооплачиваемых рабочих мест в экономике Казахстана связаны с более низким уровнем социальной защиты, тяжелыми физическими нагрузками и опасными видами деятельности, и неудивительно, что они преимущественно заняты мужчинами, которые считаются главными кормильцами семей – парадокс заключается в том, что часто это именно мужчинам приходится жертвовать определенным уровнем социальной защиты, чтобы прокормить свои семьи. Более того, согласно данным БНС РК, индустриальная сегрегация увеличивается в Казахстане, что, вероятно, связано с усилением экономического неравенства в стране в целом: мужчины, будучи более гибкими в принятии решений на рынке труда, больше реагируют на растущий разрыв в оплате труда между индустриями и секторами экономики и переходят в более высокооплачиваемые сектора.

Более высокий уровень образования женщин способствует сокращению гендерного разрыва в оплате труда, и, вероятно, он мог бы уменьшить его в еще большей степени, если бы не влияние индустриальной сегрегации. В частности, такая рекомендация вероятно релевантна для южных регионов страны, где все еще есть потенциал сокращения гендерного экономического неравенства через улучшение доступа женщин к хорошему образованию.

Однако мы также обнаружили, что часть гендерного разрыва в оплате труда не объясняется неравенством в человеческом капитале, индустриальной сегрегацией и рациональной специализацией супругов, что намекает на существующую вертикальную сегрегацию и стеклянный потолок. Особенно это касается двух городов – Астаны и Алматы, где почти отсутствует индустриальная сегрегация и нет различий в уровне образования между полами. К сожалению, хороших количественных данных, которые могли бы помочь пролить свет на эту проблему, в Казахстане нет.

Таким образом, судя по проведенным нами исследованиям, Казахстан в части гендерного экономического неравенства скорее соответствует состоянию развивающихся стран. Высокий уровень участия женщин на рынке труда в значительной степени продиктован экономической необходимостью, хотя видимо предопределен и сохранившимся влиянием коммунистической идеологии, рассматривавшей работу как обязанность советского гражданина. Советское прошлое сильно влияет в том числе и на гендерный разрыв в оплате труда, в значительной степени вызываемый индустриальной сегрегацией, однако увеличившееся неравенство между индустриями способствовало его росту: добывающие сектора экономики выступают наиболее высокооплачиваемыми, но требуют больше мужского труда, чем женского. С ростом сложности производства вертикальная сегрегация вероятно выходит на первый план среди факторов, определяющих гендерный разрыв, который высок также в крупнейших и наиболее богатых городах страны. В остальной части страны структура экономика скорее примитивная, уровень жизни населения низок, а потому и гендерный разрыв в оплате труда тоже относительно невысок, что вряд ли можно считать большим достижением.

*Сауле Кемельбаева, декан Международной школы экономики
Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева, PhD по экономике*

Источники:

1. Alesina, A., Giuliano, P., & Nunn, N. (2013). On the origins of gender roles: Women and the plough. *The Quarterly Journal of Economics*, 128(2), 469-530.
2. Ashenfelter, O., & Hannan, T. (1986). Sex discrimination and product market competition: The case of the banking industry. *The Quarterly Journal of Economics*, 101(1), 149-173.
3. Ashraf, Z., Bandiera, O., Minni, V., Quintas-Martínez, V. (2022) Gender Roles and the Misallocation of Labour Across Countries. https://www.orianabandiera.net/_files/ugd/997323_38e792cd118b4845a1e30f1720f983a2.pdf
4. Bandiera, O. Women at Work. EEA Presidential Address 2022. <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=NHLw0vMPdgc&feature=youtu.be>
5. Becker, G. S. (1957). *The Economics of Discrimination*. Chicago: University of Chicago.
6. Black, S. E., & Strahan, P. E. (2001). The division of spoils: rent-sharing and discrimination in a regulated industry. *American Economic Review*, 91(4), 814-831.
7. Bowles, H. R., Babcock, L., & Lai, L. (2005). It depends who is asking and who you ask: Social incentives for sex differences in the propensity to initiate negotiation. *Research Programs, John F. Kennedy School of Government, Harvard University*.
8. Bowles, H. R., Babcock, L., & Lai, L. (2007). Social incentives for gender differences in the propensity to initiate negotiations: Sometimes it does hurt to ask. *Organizational Behavior and human decision Processes*, 103(1), 84-103.
9. Cook, C., Diamond, R., Hall, J. V., List, J. A., & Oyer, P. (2021). The gender earnings gap in the gig economy: Evidence from over a million rideshare drivers. *The Review of Economic Studies*, 88(5), 2210-2238.
10. Cullen, Z. B., & Perez-Truglia, R. (2019). The old boys' club: Schmoozing and the gender gap (No. w26530). National Bureau of Economic Research.
11. Fortin, N. M. (2008). The gender wage gap among young adults in the United States the importance of money versus people. *Journal of Human Resources*, 43(4), 884-918.
12. Grogan, L., & Koka, K. (2010). Young children and women's labour force participation in Russia, 1992-2004 1. *Economics of Transition*, 18(4), 715-739.
13. Kemelbayeva, S. & Aituar, A. (2022) Gender Norms and Labour Supply in Kazakhstan: Evidence from the World Value Survey. Журнал «Государственное управление и государственная служба» (в печати).
14. Kleven, H., Landais, C., & Sogaard, J. E. (2019). Children and gender inequality: Evidence from Denmark. *American Economic Journal: Applied Economics*, 11(4), 181-209.

15. Long, C. D. (1958). The labor force under changing income and employment. NBER Books.
16. McKinsey (2015) The power of parity: how advancing women's equality can add \$12 trillion to global growth, www.mckinsey.com
17. Miho, A., Jarotschkin, A., & Zhuravskaya, E. (2019). Diffusion of Gender Norms: Evidence from Stalin's Ethnic Deportations. Available at SSRN 3417682.
18. Molina, T., & Usui, E. (2022). Female Labor Market Opportunities and Gender Gaps in Aspirations. Available at SSRN 4207825.
19. Qian, N. (2008). Missing women and the price of tea in China: The effect of sex-specific earnings on sex imbalance. *The Quarterly Journal of Economics*, 123(3), 1251-1285.
20. Ward, K. B. (1984). *Women in the world-system: Its impact on status and fertility*. Greenwood.
21. World Economic Forum (WEF), *Global Gender Gap Report*, 2018
22. Yemelina, N., Kemelbayeva, S. & Roshchin, S. Evolution of the gender wage gap in Kazakhstan for 2011-2019 (in progress).

Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Кошкарбаева 1/4, блок «Dubai», офис 504

Тел.: +7 7172 97 20 36

info@aerc.org.kz

www.aerc.org.kz